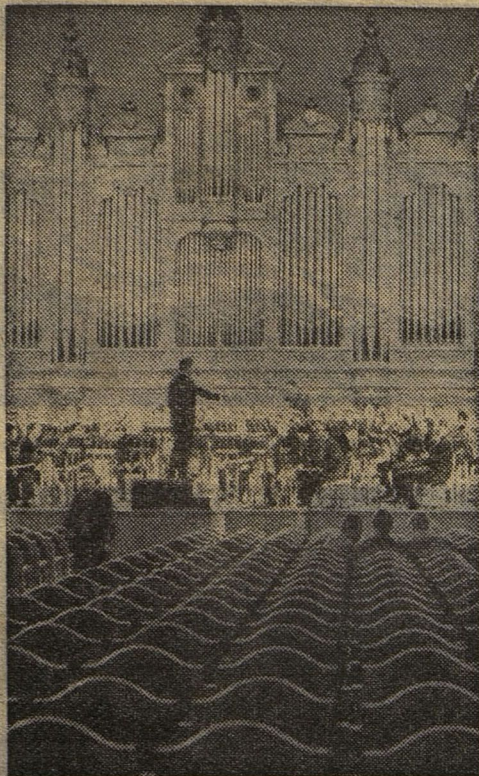

Репетиция была назначена на девять утра, я приехал без четверти — и был последним. Какофония звуков встретила меня при входе, сопровождала в раздевалке, на лестнице, в верхнем фойе. В пустом полутемном зале и на освещенной лестнице заканчивались последние приготовления: расставляли стулья и пюпитры, кто-то тяжело нес настоящий колокол, несколько человек дружно двигали широкую подставку с литаврами, звукорежиссер Всеобщего радио проверял микрофоны.

— Быстрее, быстрее, время, — торопил собравшихся невысокий плотный человек. — Пора начинать.

Из-за кулис потянулись музыканты, по двое, по трое, на ходу договаривая недосказанное. Шумно рассказывались, ерзая стульями, переставляя пюпитры. Один из них встал за дирижерский пульт.

— Юрий Степанов, — тихо представил его мне Иван Васильевич Петров, — наш солист, виртуозный валторнист, отличный музыкант. Мы поручаем ему настройку оркестра.

Степанов взял дирижерскую палочку, постучал ею по пульта, поднял перед собой: «Внимание!» На сцене установилась тишина.

— Жень!

Сидящий справа от пульта музыкант облизал губы, плотно обнял ими мунштук гобоя и прорвал тишину первым чистым звуком. Си-бемоль гобоя подхватила флейта, за ней вступили кларнеты, их басовито поддерживали саксофоны.

— Еще раз!.. Еще! Хорошо.

Деревянные инструменты настроены. Степанов поворачивается влево — к медным. Снова и снова задает тон гобой, к которому подстраиваются корнеты, трубы, тубы, тенора. И вот уже звучит, заполняя зал, густое, общее си-бемоль всего оркестра.

— Спасибо! — говорит Петров и идет на сцену. Оркестранты встают, он поднимается на подставку, кланяется пустому залу, где сидят лишь несколько заинтересованных «болеющих», поворачивается к оркестру, все садятся.

— Правильно, — говорит дирижер, — так же и вечером: вы садитесь, когда я к вам повернусь. Глинка! — объявляет он и склоняется к нотам. — Начало, восемь тактов, играем, как написано, до первой цифры, и сразу переходим на третью. — Он поднимает голову. — Послушайте, идея здесь такая! Отдельно показываем медную группу, затем деревянную, наконец весь оркестр. Ясно! — И поднимает палочку.

Торжественные вступительные такты «Патриотической песни». Мелодия льется широко и свободно. Конец. Петров опускает палочку и спрашивает сидящих в зале:

— Как такой вариант? Не маловато? Добровольные помощники сомневаются и не торопятся с ответом. Иван Васильевич поворачивается к оркестру.

— Повторим без купюр.

Отыграв, спрашивает еще раз:

— Ну, а так как?

— Конечно, лучше. Только, Иван Васильевич, — подбегает к нему один из слушателей, — у кларнетов это место — та-ра-та-ра-там, — быстро напевает он, — совсем не слышно. Пусть играют два форте.

...Вечером, когда конференсье объявит: «Солистка Государственного академического музыкального театра имени народных артистов СССР Станиславского и Немировича-Данченко народная артистка РСФСР Нина Исакова», она

выйдет на сцену из двери справа в вечернем платье. А сейчас она незаметно спустилась в партер по боковой лестнице. Тут-то ее и заметил Петров, подошел с клавиром, они о чем-то шептались и вместе поднялись на сцену. Исакова остановилась у дирижерского пульта лицом к оркестру, сказала: «Доброе утро», и я услышал в ответ ей тихий шелест ладоней по инструментами такого традиция.

— Возьмите карандаши. — Петров надел очки и склонился к пюпитру. — Девятая цифра. Вычеркните пятый и шестой такты.

— Всем вычеркивать? — спросил кто-то.

— Всем. И еще два такта. Последний оставляем, на нем будет акцент, а два предыдущих вычеркиваем. Записали? Ну, пожалуйста, — и он поднял палочку.

«Над полями да над чистыми», — запела вполголоса Исакова, но вскоре ее прервал раздраженный стук по пульта.

— Может быть, вы хоть раз на меня посмотрите, — говорит Петров кому-то в глубине оркестра. — Я же за солисткой иду, вы это понимаете?! А вы должны следить за мной. — Молчит, успокаивает-

— Да, нелегко, — соглашается Петров. — Наш оркестр молодежный, самым старшим — тридцать два, тридцать четыре, да и тех единицы. В основном у нас собрались выпускники Московской консерватории, гнесинского института, училищ, есть даже студенты старших курсов. Большинство никогда не играло в духовых оркестрах. Поначалу я этого очень боялся: мальчишки, девчонки, что получится? А получилось как раз хорошо. Никто из них не испорчен штапами.

Вы, конечно, обратили внимание, сколько я замечаний делаю. Но это, так сказать, издержки роста. Неизбежные. Ведь для этих ребят сейчас как выйти на сцену, как уйти с нее — и то репетировать надо. И потом, мы же всего второй день в этом зале. А здесь акустика уникальная. Растерялись немного. Но ничего, сыграются, привыкнут друг к другу, к солистам, все со временем встанет на свои места. Впрочем, для нас со временем — это сегодня вечером...

И словно сам себе напомнив об этом, он встает и торопливо уходит на сцену. Поднимается на свою подставку, проверяет, не скрипит ли, что-то тихо

ОРКЕСТР как это делается РЕПЕТИРУЕТ

ся. — Четвертая цифра, за тактом. «Гривы инеем кудрявятся. Порошит снежком лицо», — поет Исакова, но опять не доезжает до конца.

— Нина Сергеевна, — говорит Петров, — слишком много замедлений. В начале замедление, в середине замедление, в конце...

— Хорошо, я попробую, — отвечает Исакова и продолжает с середины.

Песня допета. Петров меняет клавиш, за ним листают ноты и оркестранты. Исакова поет арию Ниловы из оперы Т. Хренникова «Мать».

— Перерыв! — объявляет Петров, спускаясь вслед за Исаковой в зал. Оркестранты было зашумели, начали вставать, но тут к сцене, перекрывая шум хлопками ладоней, рванулся Александр Степанович Климов, тот самый, что торопил всех начинать репетицию, директор оркестра. Он остановился перед сценой, расставив руки крыльями.

— Репетируем уход. Вы все ждете, пока Иван Васильевич уйдет в дверь, потом встаете, первым — концертмейстер, и выходите по порядку рядов. Все сядьте... Так... Встали... Пошли.

Спустя минут десять Климов так же настойчиво репетировал выход:

— Когда выходите, под ноги-то не очень смотрите. И грустные вы какие-то, словно вас на эшафот ведут. Веселей, веселей, это праздник...

...Их шестьдесят пять. И все разные. Даже в том, как выходят на сцену, как рассказываются, играют. Один улыбается и, демонстрируя свободу, успевает перекинуться с соседом двумя-тремя фразами, другой молчаливо сосредоточен. Один внимательно следит за дирижером, ловя каждое его движение, каждый жест, взгляд, другой боится оторвать глаза от нот. А ведь оркестр — единый коллектив, с единой мыслью, стилем, чувствами. Как же трудно, наверное, было сплавить их воедино!

говорит (что — мне из моего ряда не слышно, но, очевидно, что-то смешное), музыканты смеются, но он тут же становится серьезным и, собирая внимание всех поднятой правой рукой, говорит:

— Прошу Юровского!

Эту поэму, вернее, финал «Героической поэмы», я уже слышал вчера и узнаю сразу...

Последнее форте оркестра — и тишина. Петров медленно кладет палочку на пюпитр, вынимает носовой платок и тяжело утирает лицо. Да, это работа. Это труд. Многочасовой, ежедневный, изматывающий.

— Хорошо, — говорит Иван Васильевич, пряча платок в карман, и повторяет: — Хорошо!.. Но ответьте мне, Наталья Васильевна, — подчеркнуто серьезно спрашивает он самую молодую, как я позже узнал, музыкантку оркестра, — вы ударили можете? Да! Тогда попробуем. Последние четыре такта, прошу! — И он поднимает палочку.

Внимание оркестра приковано к барабану.

— Хорошо! А еще сильнее!..

Наталья Васильевна колотит из всех сил.

— Ну, вот и отлично. Теперь слышно.

В тот вечер в Большом зале Московской консерватории состоялся первый концерт Государственного духового оркестра РСФСР под управлением заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора И. В. Петрова.

М. ХРОМЧЕНКО.

НА СНИМКАХ (сверху вниз)

- Вечером этот зал был переполнен.
- Жарко... третий час репетиции.
- Литавры — инструмент капризный.
- Дружно вступают кларнеты.

Фото В. Ахлмова.